

Глава 9

Шэнь Цин сложил в небольшую корзину матерчатый мешок с лепёшками, флягу с водой и верёвку для связывания дров. Корзина была невелика — её можно было нести за спиной или держать в одной руке. Обычно он ею не пользовался, просто привязывая флягу и мешок к поясу. Но сегодня он собирался идти в рощу боярышника, где плоды уже поспели, и хотел набрать немного, чтобы принести домой.

Предупредив Мяо Ши, Шэнь Цин взял топорик и отправился в горы. Раньше Мяо Ши предлагала купить настоящий топор, чтобы он мог валить более крупные деревья и приносить брёвна домой, а она уже колола бы их на ровные поленья. Так они работали бы быстрее и, возможно, смогли бы заготавливать по три вязанки дров в день.

Однако Шэнь Цин отказался, потому что беспокоился о здоровье Мяо Ши. В его глазах уже было позорно, что он не мог заработать ей на нормальное лечение, — как он мог позволить матери заниматься таким тяжёлым физическим трудом? Что бы ни случилось, он этого не допустит. Он разрешал Мяо Ши заниматься только лёгкими домашними делами.

Ещё когда они жили в доме семьи Шэнь, хотя Шэнь Цин и брал на себя всю тяжёлую работу, жизнь Мяо Ши отнюдь не была лёгкой. Она стирала на всю семью, готовила для всех, занималась бесконечными мелкими делами: мыла посуду, резала траву для свиней, кормила свиней и кур, варила свиной корм, подметала двор. Шэнь Цин работал в поле и не мог постоянно за ней присматривать, а она с утра до ночи крутилась, словно волчок.

Теперь же в доме были только они вдвоём да несколько цыплят. Шэнь Цин целыми днями работал в горах и домой к обеду не возвращался, и Мяо Ши вдруг обнаружила, что у неё появилось много свободного времени, к чему она не привыкла.

Она никогда не умела сидеть без дела. Раз уж тяжёлую работу ей нельзя было делать, она нарвала на полях камышовой травы, уселась на тёплый кан и принялась плести циновки. В деревне и мужчины, и женщины, и старые, и малые умели плести циновки, корзины, спинные рамы и простые чехлы. Всё зависело лишь от умения.

Навык у Мяо Ши был средний, не выдающийся, но и не плохой. Для продажи её изделия были недостаточно тонкими, зато для домашнего пользования — прочными и удобными.

Такие циновки служили не только для прохлады летом: их стелили на постель, чтобы отсеять сырость и насекомых, и так было куда удобнее, чем лежать просто на соломе. Их можно было расстлать на земле для сушки зерна или овощей, а ещё использовать вместо занавесей на дверях, чтобы задерживать ветер.

Зима приближалась, и поскольку на покупку ткани для настоящих занавесок денег не было, она решила наплести циновок побольше.

Для Мяо Ши это и работой-то не считалось — скорее отдыхом. Она только что закончила готовить завтрак, кан всё ещё был тёплым. Опустив голову, она ловко перебирала руками, переплетая травинки одну за другой.

Шэнь Цин поднялся по склону за их домом и шёл в горы около полудня, прежде чем остановился. К этому времени он уже прошёл места, где деревенские обычно собирали дрова и дикие овощи. Глубины гор почти никто не посещал. В детстве, когда он часто голодал, он забирался туда за грибами и воровал птичьи яйца. Окрестности деревни другие дети вычищали подчистую, а в глубине леса, куда мало кто осмеливался заходить, всегда было достаточно еды.

Шэнь Цин часто бродил по горам и давно наизусть знал, какие места безопасны, где растут хорошие дикie плоды, и даже открыл несколько укромных уголков, удобных для запекания еды.

Место, куда он пришёл сегодня, было одним из таких тайников. К юго-востоку возвышалось огромное баньяновое дерево, корнями прижавшееся к горной стене. Но по-настоящему особенным это место делала пещера в склоне — высотой в два-три человеческих роста. Подняться к ней напрямую было невозможно: нужно было взбираться по толстым ветвям баньяна. Вход в пещеру скрывали густые кусты и дикie цветы, росшие из трещин в скале, а раскидистая крона дерева полностью её накрывала. Если не знать точно, куда смотреть, заметить пещеру было невозможно.

Шэнь Цин нашёл её случайно. Однажды он полез на баньян искать птичьи гнёзда и наткнулся на пещеру. С тех пор она стала одним из его тайных убежищ. Раньше он запекал там еду, а если находил в горах что-то ценное и не мог сразу унести домой, прятал в пещере — на высоте добыча была в безопасности от мелких зверей.

Шэнь Цин был ловким, и подниматься и спускаться ему было нетрудно.

Позже, когда он начал тайком продавать дрова и зарабатывать деньги, он на часть выручки купил огниво, глиняный горшок и соль и тоже спрятал их в пещере — так запечённые птичьи яйца становились ещё вкуснее.

Поставив корзину под баньяном, Шэнь Цин не стал сразу рубить дрова, а принялся собирать дары леса.

Глубокие горы были полны сокровищ, но мало кто осмеливался забираться так далеко, и потому повсюду росла дикая зелень, местами уже переросшая. После нескольких осенних дождей земля в лесу была не грязной, но влажной, и на гниющих брёвнах и сырых стволах деревьев густо полезли грибы и древесные ушки. Чуть дальше росло несколько боярышников, ветви которых были усыпаны ярко-красными плодами.

На восточном склоне росло большое хурмовое дерево, усыпанное налившимися сладкими плодами. Если осмелиться зайти ещё глубже, можно было бы наткнуться на ореховые и каштановые деревья — настоящую удачу. Однако в тех местах порой встречались следы диких зверей, и даже Шэнь Цин не решался бывать там слишком часто.

Вскоре его маленькая корзина наполнилась грибами, древесными ушками и ягодами боярышника. Оставив корзину в пещере на хранение, Шэнь Цин наконец принялся рубить дрова.

Он не валил деревья без разбора. Хотя это была глушь и никто не стал бы ему препятствовать, рука у него не поднималась рубить крепкие живые деревья. Он искал сухие или подгнившие стволы, изъеденные насекомыми, либо ветви, слишком сильно разросшиеся в стороны и нуждавшиеся в обрезке. Забирая что-то у гор, он по привычке сажал черенки или закапывал семена, надеясь хоть немного восполнить взятое.

Постепенно, увлечшись работой, он отошёл дальше от баньяна. И в тот миг, когда он заметил свежие звериные следы и услышал тяжёлое сопение, понял, что зашёл слишком далеко.

Шэнь Цин напрягся и встретился взглядом с одиноким молодым диким кабаном, стоявшим неподалёку.

Кабан тоже уставился на него.

Говорили, что среди диких зверей больше всего следует бояться тигров, затем медведей и лишь потом кабанов. Особенно зимой кабаны становились крайне свирепыми. К счастью, этот ещё не был взрослым, скорее всего, он был подростком, отбившимся от стаи, возможно, пришедший повалиться в грязи. Всё его тело было перепачкано влажной жижей.

Даже так Шэнь Цин прекрасно понимал, что с ним связываться нельзя. Его куда больше пугала мысль о том, что поблизости может быть кабаниха.

За мгновение он принял решение.

Не дожидаясь, пока кабан бросится на него, он развернулся и изо всех сил побежал к баньяну.

Молодой кабан, то ли играя, то ли приняв его за добычу, взрыл копытами землю и ринулся следом.

Двум ногам не убежать от четырёх.

Хотя Шэнь Цин намеренно петлял между деревьями, пытаясь замедлить преследователя, в конце концов тот его настиг. Один из длинных клыков скользнул по его руке, и тут же потянулась дорожка алых капель. Ему повезло: не успей он увернуться, клык вонзился бы в живот — тогда он погиб бы на месте.

Запах крови, казалось, лишь ещё больше возбудил кабана, и тот издал пронзительный, долгий визг. К счастью, Шэнь Цин уже добежал до баньяна. Стиснув зубы от боли, он сделал последние шаги, вскочил на дерево и, ловко цепляясь за толстые ветви, взобрался вверх, исчезнув в пещере.

Лишь оказавшись в безопасности, он почувствовал, как напряжение в голове вдруг обрушилось. Спину мгновенно покрыл холодный пот. Только теперь, оглядываясь назад, он по-настоящему понял, почему Мяо Туншэн называл его безрассудным и почему дяди так беспокоились, узнав, что он решил работать дровосеком. Лес не кажется опасным — до той самой минуты, пока не столкнёшься с диким зверем лицом к лицу.

Выглянув из-за большого камня у входа в пещеру, Шэнь Цин посмотрел вниз и увидел, что кабан всё ещё бродит под деревом, взбудораженный запахом крови. Он не собирался уходить, громко визжал и время от времени бился головой о ствол баньяна, по которому Шэнь Цин взобрался.

К счастью, кабаны не умели лазить по деревьям.

Прислонившись к камню, Шэнь Цин тяжело дышал. Кровь продолжала сочиться из раны на руке. Немного отдышавшись, он с усилием сел и потянулся к диким хризантемам, росшим у входа в пещеру. Он выдавил из стеблей молочно-белый сок и намазал им рану.

Это был старый охотничий способ, которому его научил старик Лю. При порезах и ссадинах он действовал хорошо: сок дикой хризантемы обладал свёртывающим эффектом, помогал остановить кровь и ускорял заживление.

Хотя рана выглядела пугающей, она была неглубокой. Шэнь Цин оборвал все хризантемы, какие смог найти у входа, и в конце концов сумел остановить кровотечение. Затем он оторвал подол нижней рубахи и туго перевязал руку. В обычное время он ни за что не стал бы так

портить ткань — эта рубаха была сшита совсем недавно, уже после ухода из семьи Шэнь. Но запах крови мог привлечь других зверей, так что выбора у него не было.

Перевязав рану, он снова посмотрел вниз и увидел, что кабан по-прежнему не ушёл. Это его встревожило.

Во-первых, он опасался, что громкие визги привлекут других кабанов, ведь они держались стаями.

Во-вторых, он боялся, что окажется заперт в пещере до ночи. Сам он это пережил бы: в пещере пока было не слишком холодно, да и огниво с сухими дровами у него имелись. Но если он не вернётся домой до темноты, Мяо Ши наверняка начнёт волноваться. И если она просто будет переживать дома — это ещё полбеды, но если, не дай бог, пойдёт в горы его искать и наткнётся на кабана, это будет по-настоящему опасно.

Пока он ломал голову, как бы отогнать зверя, его взгляд зацепился за нечто необычное: слабое мерцание света.

Эта пещера, в которой он бывал столько раз... была другой.

Изначально она была неглубокой, почти полукруглой. Но теперь в самом дальнем конце появился конический проход — тот, которого раньше здесь не было.

В самом конце этого туннеля виднелось небольшое отверстие, из которого пробивался слабый свет.

<http://bllate.org/book/14994/1329137>